

* * *

Памяти мамы

Птицы громко кричали о том, что ты тихо ушла,
Замолкали на миг... И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали... Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли, но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил воспалённое горло.
И гремучий осколок порвал нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной, непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу... Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы на завтра пришли... Через ужас на завтра пришли...
Там лежала не ты, а твоя оскорблённая брэнность.
И узнать не смогли ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то извечный пустяк...
А сейчас чередую – поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах чуть плетётся согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

* * *

Только цокот копыт, только лютые сабли кривые,
Только голос, хрипящий:
«Не тронь дорогого, не тронь!..»

Красный бешеный конь – вот уже половина России,
А вторая – такой же, но белый взбесившийся конь.

И несутся они, в пепелище страну обращая,
Каждый – с правдой своей,
Каждый – с храбрым своим седоком.
И кровавой войне ни конца не видать и ни края,
Лишь сгоревшее жито да кровь над пробитым виском...

Потому-то и плач над страной бесконечен и вечен,
Потому-то и вдовы бредут по Руси без конца.
– Марья, где твой Иван?..
– Где-то саблею острой посечен...
И пониже платок, чтобы не было видно лица...

А в итоге-то что?..
Красный конь поломал себе шею,
Перед этим увидев, как белый растаял во мгле.
Где скакали они, я теперь проскакать не посмею,
Да и кони не скачут по этой иссохшей земле.

Глянешь из-под руки... Впереди только дали пустые,
Лишь канава да ельник, что мертвенным светом залит.
Красный конь... Белый конь...
Каждый был половиной России...
На дороге пустой ни следа от тяжёлых копыт.

Утром шишка слетит на траву...
И увидишь спросонок,
Там, где бурые сосны угрюмо бредут стороной,
На неровной полянке копытами бьёт жеребёнок...
Он не белый, не красный... Он утренний... Он вороной...

* * *

Всё – поздно, всё – не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу –
но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
и чёрной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи –
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом –
и волк вдали завоеет...
Но, если я любим,
коснись меня перстом...

* * *

Мне не спрятать сейчас ни лица и ни глаз,
Ни в минуты прощанья, ни в миг озаренья.
Всё трещало не раз, всё сгорало не раз...
Человек – это всё ж единица горенья.

Эта песня твоя... Даже взгляды тая,
Я шептал, что тебе повторю я едва ли...
Боль разлуки – моя... И печалился я.
Человек – это всё ж единица печали.

А, когда ты ушла, от угла до угла
Я ходил и бессильно заламывал руки.
И текла из угла беспросветная мгла...
Человек – это всё ж единица разлуки.

Но остался твой свет... Только в горечь одет,
Век летит... И горькí мои воспоминанья.
Столько прóжито лет!.. Скрип калитки

в ответ.

Человек – это всё ж единица страданья.

Где-то колокол бьёт... Милый голос поёт.
Выпью чарку вина... Прошепчу тебе что-то.
Будет голос с высот звать в последний полёт...
Человек – это всё ж единица полёта.

* * *

Помолчи... Но молчаньем судьбы не гневи,
Позабудь, как нам сладостно было.
Говорить о любви?.. Что сейчас о любви?
Ты ведь первой меня разлюбила.

А теперь сентябрит... Нервно птицы кричат,
Машут крыльями, в даль улетаю.
И дождливой тоской закручинился сад,
И кружится тоска золотая.

Мало тусклых огней... Стали воды темней,
И ночами почти что беззвёздно.
Отрыдала любовь... Поздно думать о ней.
И не думать, конечно же, поздно.

Шепчут капли дождя: «Уходи, уходя...»
Мраку – мрак, а дороге – дорога.
Остальное – лишь пепел, лишь след от гвоздя,
О забытой тревоге тревога.

Потому и ушедшего лучше не тронь.
Я – иной... И ты стала иною...

Всё – зола... Из золы не родится огонь,
А родится – вновь станет золою.

* * *

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта, в боль струящаяся, даль...
Всё пройдёт... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, и дальше – напрямки.
Всё пройдёт... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Неприменно станет синей ранью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез.
И кого-то снова не заметят,
Что прошёл... И в сумерках исчез.